

УДК 94(47+57)"41/44"(470.23-25)

ББК 63.3(2)622

Р66

Рокоссовский, Константин Константинович.

Р66 Воспоминания без цензуры / К.К. Рокоссовский. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Проза истории).

ISBN 978-5-17-127187-9

Из воспоминаний К.К. Рокоссовского мы узнаем об удивительной судьбе Маршала Советского Союза и Польши. В центре повествования — Великая Отечественная война. На страницах книги автор последовательно восстанавливает обстоятельства важнейших и кровопролитнейших сражений войны, рассказывает историю своей жизни.

Воспоминания, которые сам Константин Константинович Рокоссовский назвал «Солдатский долг», публикуются вместе с восстановленными купюрами из авторской рукописи, изъятыми советской цензурой, а также дополнены письмами и фотографиями из семейного архива, предисловием Константина Рокоссовского, внука, и комментариями Ариадны Рокоссовской, правнучки прославленного маршала Победы.

**УДК 94(47+57)"41/44"(470.23-25)
ББК 63.3(2)622**

ISBN 978-5-17-127187-9

© Рокоссовский К.К., наследники, 2019
© Рокоссовский К.В., предисловие, 2019
© Рокоссовская А.К., комментарии, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОНСТАНТИНА РОКОССОВСКОГО, ВНУКА МАРШАЛА К. К. РОКОССОВСКОГО

Известный западный исследователь Ричард Вофф в своей книге «Генералы Сталина», изданной в Нью-Йорке в 1993 г., пишет: «Один из лучших военачальников Красной армии времен войны, Рокоссовский сочетал в себе выдающиеся профессиональные способности, удивительную скромность и чувство почитания военных традиций. Во время войны, среди пагубного взаимного стремления грубой мести, Рокоссовский проявлял гуманность и сострадание к поверженному, когда-то мощному противнику и несчастному германскому населению».

Я бы мог долго рассказывать о деде, ведь рядом с ним были прожиты лучшие годы жизни, безоблачное детство и юность, и память хранит штрихи семейного быта, какие-то случаи, происходившие дома, на даче, на рыбалке. Но что могут добавить эти детские воспоминания к портрету военачальника, вклад которого в дело разгрома гитлеровских орд огромен и признан во всем мире.

Размышляя таким образом, я неожиданно для самого себя осознал, что мое восприятие деда сейчас, с высоты прожитых лет, сильно отличается от того, каким оно было тогда, когда я шестнадцатилетним парнем с замиранием сердца ждал у калитки дачи, когда же вернется из Москвы мама, поехавшая навещать деда в больницу. Дед умирал, я это знал и умом понимал, что так и будет, но я гнал от себя эти мысли и надеялся на чудо — а вдруг! Ведь бывает же, что люди выздоравливают после самых долгих тяжелых болезней.

Мама приезжала, молча выходила из машины и шла в дом. Глаза ее были заплаканы. Так продолжалось несколько недель. Но однажды она

не приехала. Из подошедшей машины вышел мой дядя, взял меня под руку и повел по аллее. Я сразу понял — это всё...

Кем был для меня тогда мой дед, что знал я о нем?

Я знал, что люди его любили. Любили все — от членов Политбюро и маршалов до адъютантов, шоферов и егерей. На похоронах ко мне подошел А. Н. Косыгин, отвел в сторону и срывающимся голосом сказал: «Мы все его очень любили! Мужайся и будь достоин деда». Я помню, как плакал навзрыд Георгий Борисович Туманов, шофер, возивший деда в последние годы. Дед был, как потом, спустя годы, написал в своих воспоминаниях кто-то из маршалов, по-моему, И. Х. Баграмян, настоящим любимцем армии. Добавлю от себя — не только Советской армии, но и Войска Польского, как бы кому-то ни хотелось сегодня убедить всех, что это не так.

Для нашей семьи, для отца и его родни, для бабушкиных сестер и их родственников — он был всем. Вся жизнь семьи была связана с ним, его делами, его мыслями и чувствами. Я не знаю, как это было в семьях других военачальников, но в нашей это было именно так. Дед был центром, притягивавшим к себе и родственников, и друзей моих родителей — и даже мои друзья, по сути еще совсем дети, были втянуты в его орбиту.

Я не знал о нем ничего. Точнее говоря, знание мое было по-детски поверхностным и каким-то, я бы сказал, ситуативным. Я видел его на трибуне мавзолея во время парада, в парадной форме и при орденах, и моя душа наполнялась гордостью — это мой дед! Я знал, что он герой войны, один из лучших полководцев страны, Маршал Советского Союза, и я — его внук. Это благодаря ему я мог иногда прокатиться на дачу на «Чайке», и ребята в школе подходили и спрашивали с восхищением и завистью: «А правда, что у тебя дед — маршал?» Невероятное, ни с чем не сравнимое чувство гордости охватывало меня, второклассника, когда дед провожал меня в школу, которая располагалась по дороге на его работу, на улице Фрунзе. Он вел меня за руку, и я видел, как прохожие, узнавая его, улыбаясь, здороваются с ним, и он отвечает им тем же. Много лет спустя я узнал, общаясь с одним известным военным историком, что они, студенты истфака, зная, когда дед идет на работу, специально сбегали с занятий, чтобы повстречать его и поздороваться. И их поражало то, что он, прославленный военачальник, отвечал им, безвестным студентам. Я гордился им, но это была гордость, основанная на внешнем блеске и славе, которая сопровождала его и отблески которой падали и на меня, внука, обыкновенного, в сущности, мальчугана.

Дома же он был для меня просто дедом, таким, какие были у большинства моих сверстников. Он гулял со мной на даче по аллеям, объяснял мне, где растёт какое дерево, какие птицы живут в нашем лесу. Под «руководством» деда я получал первые уроки труда, помогая ему поливать огород, пересаживая вместе с ним деревья на участке и обрезая засохшие ветки малины в саду. Когда я стал постарше, мы играли с ним в войну, в разведчиков, и он легко побеждал меня и моих друзей, пользуясь умением маскироваться и применяя разные военные хитрости. Когда он болел, мы играли с ним в шахматы, и победить его было невероятно трудно, хотя я считался довольно сильным игроком. В общем, это был обычный дед, каких много было в стране.

Иногда, я думаю, мы досаждали ему. И действительно, кому понравится, когда тебе под ноги выкатывается из коридора клубок детских ног и рук, вооружённых клюшками и отчаянно борющихся за шайбу. На праздники к родителям приходили друзья, молодые тогда ещё люди, начинался шум и гам, песни и танцы. Летом на дачу съезжались родственники бабушки и моего отца, с семьями и детьми, женщины спорили на кухне, по территории тут и там проносились велосипеды, периодически происходили битвы индейцев с ковбоями. А ему, старому и больному, так хотелось тишины. Но он не роптал, не сердился и не протестовал — он был терпелив, он понимал, что это жизнь, она идет и остановить ее невозможно. И именно это великое терпение помогало ему сохранять спокойствие духа и не терять головы в самые драматические моменты его жизни.

Иногда дед вносил дискомфорт в мою жизнь. Утром он, встав намного раньше меня, школьника, брался за гантели и проделывал с ними упражнения, а потом шел в ванную и обтирался холодной водой до пояса. Я просыпался и долго сидел у себя в комнате, чтобы не попасться ему на глаза — он ничего не говорил мне, но взгляд его был ироничен. Я знал, что мама опять будет пилить меня и заставлять вставать пораньше и делать зарядку, как дедушка. Они не понимали, какое это наслаждение — поспать лишние полчаса! «И на кой чёрт сдалась ему эта зарядка?» — думал я тогда. Теперь я понимаю, какая же нужна была сила воли, чтобы на склоне жизни, когда, казалось бы, можно уже и расслабиться, и поспать подольше, заставлять себя всегда, каждый день, зимой и летом, в будни и в праздники быть в форме, подтянутым и стройным. И я думаю, что именно эта сила воли, которую он воспитал в себе с ранней юности,

помогла деду выжить на трех войнах, в тюрьме, да и в мирное, на первый взгляд спокойное, а на самом деле наполненное внутренним драматизмом время, в которое ему довелось жить.

Бывало, что дед меня удивлял. Обычно такой спокойный, рассудительный и серьезный, он мог вдруг, когда что-то не удавалось, когда какие-то обыденные, тысячу раз проделанные вещи не получались, повернувшись к тебе, сказать с какой-то детской, обескураживающе застенчивой улыбкой: «Ну вот, брат, видишь, обмишулился дед». Когда много лет спустя я смотрел кадры кинохроники, снятые во время битвы под Москвой, на которых он, сурово насупленный, на фоне грозных батальных декораций, рассказывает о могучем наступлении наших войск — и вдруг поднимает голову, и я вижу эту застенчивую улыбку: «Ну вот, мол, наговорил тут чёрт-те чего...» И сейчас я думаю — какой же надо было обладать тонкой душевной организацией, чтобы через долгую жизнь, казармы, войны пронести эту улыбку.

Несмотря на почести и славу, обрушившиеся на деда после Победы, он так и остался до самой смерти человеком застенчивым и скромным. Утром 7 ноября или 1 мая мы всей семьей усаживались у телевизора, чтобы смотреть парад, и на трибуне для военных, где-то на самом краю, а нередко и во втором ряду видели нашего дедушку. Будучи заместителем министра обороны, он всегда уступал свое место в первом ряду товарищам. «Я высокий, меня и так видно» — отвечал он на недоуменные вопросы. Иногда я слышал, как он говорит бабушке, которая, по-видимому, просила его о чем-то: «Да, Люлю, конечно, но ведь это же неудобно...» И вполне возможно, что именно эта скромность и застенчивость сделала его всеобщим любимцем.

И вот наступил момент, когда где-то в середине 60-х в жизни нашей семьи, в нашем доме, многое изменилось. Дед всё больше времени проводил дома, в своем кабинете за большим письменным столом. Хоккей в коридоре был запрещен, ковбои с индейцами отправлены на соседние дачные участки. В ответ на недоуменные вопросы мама упорно молчала, но в конце концов сдалась. «Дедушка пишет мемуары», — коротко сказала она. Это был сюрприз, какого тогда я ожидать никак не мог.

Это теперь мы знаем, что в конце 50-х — начале 60-х годов, во время так называемой хрущевской оттепели, стало появляться много книг, посвященных истории прошедшей войны. Происходил расцвет мемуарной

литературы. Маршалы и генералы, да и многие офицеры взялись за перо и начали описывать события, в которых им довелось участвовать. Выходили книги, многое в них было неправдой, многое переиначено и искажено. Людям свойственно видеть себя иногда в несколько лучшем свете, чем на самом деле. А дед ограничивался написанием дежурных парадных статей в газеты по праздникам. Он избегал полемики, считал, что история расставит всё по своим местам, а ему, замминистра обороны, негоже заниматься беллетристикой. Да и времени свободного было мало, служебная деятельность заставляла его постоянно быть в командировках, в войсках, на флотах. Когда же в 1963 г. он оставил свою должность в Главной инспекции МО и перешел на менее хлопотную работу, оставлявшую больший простор для личной жизни, появилось и время для написания мемуаров. Не знаю, решился ли бы он на это, если бы не многочисленные обращения его соратников, сослуживцев, да и просто ветеранов войны, с просьбами, а то и просто требованиями сказать, наконец, правду, описать, как на самом деле происходили те или иные события. Как дед не отнекивался, как не объяснял, что он не писатель, а военный, пришлось приступить к этой новой, неизведанной для него работе.

Как и всё, что делал дед в своей жизни, и этому делу он отдался целиком и полностью. Нечего даже и говорить, насколько трудно давалась ему эта работа. Описать 4 года невероятно напряженной боевой работы командира соединений от корпуса до фронта, вспомнить какие-то характерные события, дать оценку решениям подчиненных и вышестоящих начальников, ему, привыкшему к сухим выражениям приказов и донесений, было очень трудно. Но раз взявшись за это дело, он должен был довести его до конца и сделать как можно лучше. И он делал.

Помогали ему его боевые соратники. Много лет спустя, разбирая архив деда, я обнаружил целую папку с корреспонденцией, посвященной его мемуарам. Черновик его письма генералу Плиеву с просьбой напомнить некоторые события времен битвы под Москвой и ответ Плиева с описанием имевших место событий. Несколько машинописных страниц, на которых генерал Панов подробно, буквально по минутам, описывал перипетии встречи его корпуса с канадской парашютной дивизией из армейской группы фельдмаршала Монтгомери в мае 1945 г. Десятки писем. Узнав от однополчан, свои воспоминания деду присылали и офицеры, и простые солдаты, воевавшие под его командованием. Всё это он

перечитывал и включал в свои воспоминания в качестве иллюстраций боевых действий, которыми он руководил.

Писал сам. В основном карандашом, по старой фронтовой привычке. Писал, перечитывал и переписывал по нескольку раз, стараясь изложить мысли наиболее понятным для читателя образом, вычеркивал то, что казалось ему лишним, добавлял что-то и опять, перечеркнув, переписывал заново. Черновики его воспоминаний хранятся в нашем домашнем архиве, блокноты, тетради, просто листы бумаги с вариантами той или иной главы. Внушительная стопка бумаги, она занимает целую полку в старом книжном шкафу.

Когда тот или иной отрывок мемуаров был готов, приезжал адъютант деда, подполковник Захацкий, и отвозил в машбюро, машинистка распечатывала 2 экземпляра, один из них возвращался к деду для окончательной доводки. А второй забирали люди из Главпура. И у них кипела работа по приданию мемуарам деда политкорректного вида. Это слишком резко, это публиковать нельзя, вот это заденет уважаемого военачальника, а это спорная мысль, которая не совпадает с официальной точкой зрения. И в результате рождалась совсем другая версия воспоминаний, приглаженная и обезличенная.

Дед вел борьбу с этой цензурой, в чем-то уступал, с чем-то соглашался, где-то стоял на своем и не шел на компромисс. И кто знает, в каком виде мемуары увидели бы в конце концов свет, если бы не болезнь. Та самая, коварная и неумолимая, которая, подкравшись незамеченной, свела деда в могилу. И перед лицом неизбежного он принял решение, что пусть она выйдет хоть такой, какая есть. И подписал сигнальный экземпляр за несколько дней до смерти.

Работа над книгой была последней страницей в его насыщенной событиями, в чем-то счастливой, в чем-то трагической жизни. Это был последний подвиг солдата, привыкшего действовать оружием, разить врагов в бою, и в конце жизни взявшегося за перо. Это был его последний долг, долг памяти и уважения к своим соратникам, своим подчиненным, своим солдатам и людям, которые ему верили и шли на смерть по его приказу. Солдатский долг.

Спустя много лет, когда настали другие времена, мы с моим братом разобрали архив деда и восстановили, хотя бы частично, подлинный текст его мемуаров. Результат перед вами.

Долгие годы прошли с того августовского дня, когда дядя привез страшную весть, которую все мы уже ждали и которой так боялись. Дед ушел навсегда, давно нет уже нашей семьи, друзья разошлись кто куда. Но осталась память. И она хранит великое терпение деда, его волю, его твердость, скромность и справедливость. Те черты, которые, сплавляясь воедино, составляют образ Маршала Рокоссовского — военачальника, государственного деятеля, мужа, отца, просто человека. Моего деда.

ЗАВТРА — ВОЙНА

Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к Народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня.

Вспомнилось мне начало 30-х годов — 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С.К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того — любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность.

Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936–1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г.К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец 40-го года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю Первую мировую войну. После октября 1917 года — опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошел хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами.

Нужно сказать, что уже в Первую мировую войну конница стала терять свое былое значение. Появились на театре военных действий массовые армии, насыщенные автоматическим оружием (пулеметы), скорострельной артиллерией, танками и авиацией. Образовались сплошные фронты. Войска, зарывшиеся в землю и огородившиеся колючей проволокой, исключали успешные действия кавалерии в конном строю. Конница наряду с пехотой была посажена в окопы, конь стал преимущественно средством передвижения. Гражданская война в России воскресила ненадолго роль конницы. Это определялось особыми обстоятельствами, в первую очередь тем, что на полях сражений не было сплошных фронтов. Конница, как наиболее подвижный в то время род войск, приобрела тогда большое значение. Этому способствовали сравнительно еще богатые в стране ресурсы конского поголовья. Сказывалось и наличие старых кавалерийских кадров. Брошенный Коммунистической партией клич «Пролетарий, на коня!» быстро осуществился, и красная кавалерия сказала своё веское слово в разгроме внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Годы шли. Народ претворял в жизнь лозунг партии — догнать передовые капиталистические страны в развитии современной промышленности.

Пятилетки создавали возможность оснащать армию более совершенным вооружением. Развивалась и военная мысль. Наша военная наука далеко шагнула вперед по сравнению с военной наукой крупных капиталистических государств. Тогда на Западе были в ходу такие теории, как теории Дуэ и Фуллера. В одном случае превозносилась роль авиации, способной будто бы самостоятельно решить исход войны, в другом — возможности танковых войск. У нас же и танкам, и авиации, и артиллерии, и пехоте отводилось свое место, а в целом в основу подготовки Вооруженных Сил было положено взаимодействие всех родов войск, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие еще увлечение кавалерией, но не они делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счет некоторого сокращения конницы.

И уже во второй половине 30-х годов наши Вооруженные Силы имели значительное количество сформированных и сколоченных механизированных корпусов оперативного назначения.

Организационная структура Красной Армии и боевая готовность войск полностью соответствовали задачам, стоявшим перед армией социалистического государства. На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях. Основная масса командиров и политработников имела к тому же боевой опыт, приобретенный в Первой мировой и Гражданской войнах. Наши Вооруженные Силы способны были нанести сокрушительный удар по любому врагу, рискнувшему напасть на Советскую Родину.

Правда, в конце 30-х годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск.

Нападение фашистской Германии на Польшу и молниеносный разгром ее вооруженных сил, несмотря на мужество большинства солдат и офицеров, и еще более трагический исход военных действий во Франции подтвердили, каким преимуществом обладала Германия, создавшая мощные бронетанковые и моторизованные войска, а также сильную авиацию.

С этого момента у нас возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Радостно было сознавать, что наконец восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь

необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня.

Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катукوف (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В. М. Черняев).

Наш корпус находился в непосредственном подчинении командования Киевского Особого военного округа.

Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним свой долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования развернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь большую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил Академию имени М. В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль — требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев.

Время не ждало. Фашистская Германия, опьяненная своими успехами на Западе, приступила к операциям на Балканах, покоря одну страну за другой. Все мы, военные, чувствовали, что приближается момент, когда и наша страна — хотим мы того или нет — будет втянута в водоворот разбушевавшейся войны.

Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно

нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта «оттяжка» продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования.

Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны, но я храню в душе признательность его офицерам за то, что они поняли своего командира, глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, продиктованные пониманием неизбежности близкой войны. То, что было сделано в те дни, не прошло бесследно, и мы это почувствовали в июне 41-го. Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем.

Этого мы добивались изо дня в день, с верой в силы людей. И коллектив офицеров корпуса отвечал инициативной, самостоятельной работой. Была создана атмосфера высокой бдительности. Мне было известно, что и в других корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям.

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлении вероятных действий корпуса и на других участках. Строительство укрепленного района только развертывалось.

Я не касался тогда и не касаюсь сейчас проблем большой политики, а рассуждаю как командир, накопивший к 1941 году практический боевой опыт и знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии.

Даже по тем скудным материалам, которые мне удавалось получить из различных источников, можно было сделать некоторые выводы из действий